

Дэв

ХОЛЛИ
ШИНДЛЕР

Неделя <
до любви

от автора
бестселлера
«Темно-синий»

Холли Шиндлер

Две недели до любви

«РИПОЛ Классик»

2011

УДК 821.111(73)-312.2
ББК 84(7Coe)6-44

Шиндлер Х.

Две недели до любви / Х. Шиндлер — «РИПОЛ Классик»,
2011

ISBN 978-5-386-09880-3

Долгожданный роман от автора международного бестселлера «Темно-синий»! Восхитительная, легкая, романтическая история для поклонников Кейси Уэст, Стефани Перкинс, Колин Гувер, Тамары Веббер и Джейми Макгвайр. Спортивная карьера Челси закончилась, не успев начаться. Во время баскетбольного матча девушка получила травму, и с того самого момента ее жизнь изменилась навсегда. Все, о чем она мечтала, осталось в прошлом. Но вот папа отправляет Челси на лето в Миннесоту, и она встречает Клинта. Жизнь вновь обретает смысл. Но как поступить с Гейбом, молодым человеком Челси? Чувства Челси к Клинту настолько сильны, что она не готова его бросить. Но и ранить Гейба она не хочет. Неужели встреча с Клинтом – это всего лишь курортный роман? Или нечто большее?

УДК 821.111(73)-312.2
ББК 84(7Coe)6-44

ISBN 978-5-386-09880-3

© Шиндлер Х., 2011
© РИПОЛ Классик, 2011

Содержание

Благодарности	6
Челси	7
Клинт	14
Челси	19
Клинт	26
Челси	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Холли Шиндлер

Две недели до любви

Playing Hurt

Copyright © 2011 Holly Schindler

Published by Flux, an imprint of Llewellyn Publications, Woodbury, MN 55125 USA,
www.fluxnow.com

© Денисова П.В., перевод на русский язык, 2017

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление.

ООО Группа Компаний «РИПОЛ классик», 2017

* * *

Благодарности

Как обычно, я благодарю фантастическую команду издательства *Flux*, а в особенности моих редакторов Брайана Фарри и Сэнди Салливана.

Также спасибо команде Шиндлеров, особенно мамочке (лучшему в мире первому читателю и слушателю) и моему брату Джону за неизменную поддержку в этом долгом путешествии. Джон, спасибо тебе за то, что приходил на все мои пресс-конференции с фотоаппаратом в руке!

А еще я благодарю всех невероятных блогеров и читателей, с которыми встретила в Сети. Ваш энтузиазм значит для меня бесконечно много, и выход моих книг превращается в громкие события именно благодаря вам.

Спасибо, спасибо, спасибо...

Челси

Лицевая линия

Камера подмигивает мне с верхних рядов, словно мы с ней знаем какой-то секрет. Я бегу к скамье запасных, а болельщики завистливо улыбаются мне с трибун родной школы «Фэйр Гроув», втайне мечтая, чтобы и им когда-нибудь, хоть раз в жизни, так же подмигнул объектив.

За одной вспышкой следуют другие; огоньки прыгают на меня со всех сторон. С каждым шагом у меня в бедрах словно взрываются фейерверки боли. Боли, которую я пыталась не замечать последние полторы недели тренировок.

Я стараюсь не морщиться. Молодец, говорю я себе, у тебя отлично получается. Но потом я смотрю вверх. Мой братишка прищурился на меня сквозь толстые стекла своих очков. Встревоженно нахмурившись, он опускает камеру.

Мне нужно внимательно слушать, что говорит тренер Тинделл, но мой взгляд цепляется то за сморщенное кукольное личико нашей соседки миссис Уильямс, то за до смешного огромные серьги из папье-маше моей учительницы из второго класса (серьги у нее в виде баскетбольных мячей). Вот наш почтальон. А вот мальчик, который в четвертом классе поцеловал меня на игровой площадке в последний день перед летними каникулами. Пара моих двоюродных (или троюродных?) братьев. Мак, владелец магазинчика на углу, который вечно хвастает, что прошлой весной заклеил прокол на передней шине моего «Шевроле-Камаро». Он бахвалится этим так, словно я – это не я, а Брэд Питт. Сейчас мой «Камаро» стоит на парковке школы «Фэйр Гроув», весь измазанный пожеланиями удачи от Гейба. Гейб – мой бойфренд, сладкий, как коробка шоколадных конфет на Валентинов день. «Челси, жги!» — написал он смываемым маркером на ветровом стекле. Другие надписи гласят: «23!» и «Humpo!» Последнее – это кличка, которая прилепилась ко мне так намертво, что игроки в команде, наверно, уже забыли мое настоящее имя.

– А по виду и не скажешь, что баскетболистка, – слышу я шепоток с трибун. Эта фраза преследует меня повсюду. Прицепилась и волочится следом, как развязавшийся шнурок, с тех самых пор, как *USA Weekend* опубликовал обо мне заметку. С тех самых пор, как я появилась на обложке их номера, посвященного лучшим американским школьницам-спортсменкам. Отфотошопленный и чрезвычайно приукрашенный портрет явил миру мое подтянутое, но не перекачанное тело, а также мою склонность к традиционно девичьим аксессуарам: клубнично-красному блеску для губ, стойкой туши и утюжку для волос.

По виду и не скажешь, что баскетболистка. Фраза плывет над рядами трибун, и я прикусываю язык, чтобы не сказать что-то вроде: «Вы что, с дуба рухнули? Девушки играли в баскетбол в колледже Смит аж в 1892 году», или: «Разве закон о дискриминации уже отменили?», или: «Мне казалось, шутки о мужеподобных спортсменках уже не в моде». А может, и: «Сколько еще женщинам придется доказывать, что феминность и сила – не антонимы?»

– По тысяче бросков в день... С места, лэй-апы, штрафные... – несется над толпой. – Забег на восемь километров, час у силовых тренажеров.

Они все в курсе, как проходят мои тренировки. Хвастаются так, словно я – их ребенок.

Я бросаю взгляд на верхние ряды: над головами парят плакаты, на которых огромными буквами от руки написано «Челси Кейс – гордость “Фэйр Гроув”,!»

Кончиками пальцев вытираю со лба пот. Воздух в зале такой влажный, что хоть вешай на бельевую веревку. Но у остальных игроков кожа по-прежнему идеально сухая. Ни капельки пота на лицах.

– Вот оно – трудолюбие, приправленное нитроглицерином, – слышу я голос с первого ряда. Это должно придать мне сил: болельщики считают меня активным веществом динамита. Это должно вдохновлять меня еще больше, чем напутственные речи тренера Тинделл. Но вместо этого слова придавливают меня к земле, тяжелые, как штанга. Как штанга, которую мне предстоит поднять.

Игроки бегут обратно на площадку, но, когда я тоже устремляюсь к центру, кто-то хватается за запястье.

– Может, тебе пересидеть эту четверть? – Шепчет Брэндон. Он спустился прямо сюда, к переднему ряду трибун, у всего города на виду. Я смотрю вниз на камеру: он опустил ее, но выключить забыл. Красный огонек мигает, фиксируя каждое мое движение.

Я пытаюсь выдернуть руку, но он только крепче сжимает пальцы и спрашивает:

– Скажи, тебе не больно?

– Не тупи, мелкий. Или ты завидуешь? – огрызаюсь я куда более злобно, чем хотела.

Я бегу к центру поля, и с каждым шагом из моих бедер вылетают искры боли.

– Не понимаю, зачем ты терзаешь себя, – говорит Брэндон. Я подпрыгиваю и жму «паузу» на пульте. На экране застывает картинка: игра, которая должна была стать первой из многих в моем последнем сезоне игры за школу. Должна была. Однако жизнь распорядилась иначе.

Я расслабленно опускаю плечи под растянутой футболкой с логотипом «Тигры из Миссури». Брэндон стоит в помятых пижамных штанах, прислонившись к дверному косяку. Я изо всех сил стараюсь сделать вид, что мне все равно.

– И ничего я себя не терзаю, – с улыбкой возражаю я. Но Брэндон на такое не ведется: он кидает на меня взгляд, исполненный отвращения. Его брекеты мерцают в лучах телеэкрана.

Я отвожу глаза, но взгляд упирается в старые трофеи, триумфально выставленные на книжных полках. Все эти крохотные медные фигурки, забрасывающие металлические мячи в корзину. Готовые к трехочковым. Они теперь совсем меня не радуют. Я не чувствую никакой гордости. Вместо этого я... ужасно на себя зла. Я улыбаюсь Брэндону, делая вид, что ничего не случилось.

– Да я просто смотрела, – оправдываюсь я. – Ну, как фильм по кабельному.

– Ага, конечно, – ворчит Брэндон, закатывая глаза за стеклами очков. Сегодня они мерцают, как две луны. – Именно поэтому ты «просто смотришь» это видео посреди ночи, запершись одна в комнате. Если бы все было так невинно, ты бы не пряталась.

Я шурюсь и складываю руки на груди. Вскидываю брови, показывая, что не собираюсь ни класть пульт на место, ни выключать телевизор.

– Слушай, Челс, я же за стенкой, – сообщает мне брат. – Мне слышно, чем ты занимаешься. Снова и снова пересматриваешь свою последнюю игру. Ты хоть спишь когда-нибудь вообще?

Он застыл в дверях, дожидаясь ответа.

Стараясь игнорировать сам факт его существования, я снова запускаю видео. На экран заново врывается школьный спортзал. Суперсовременное покрытие пола блестит в свете ламп словно кожа, смазанная детским маслом. Маркировка – черные линии, отмечающие середину поля и зоны штрафных бросков – знакома мне, как свои пять пальцев. Я сижу на краю кровати и наклоняюсь вперед, прищуриваясь, чтобы получше разглядеть прежнюю себя. Удивительно, как игра обостряла тогда все мои чувства. Я похожа на пикирующего орла, готового растерзать ничего не подозревающую жертву. Именно так я и собиралась поступить с игроками команды из школы «Аврора», которые приехали на нашу домашнюю площадку. Я собиралась оторвать кусок сочной плоти с их нежных щенячьих косточек.

Чирлидерши по сторонам поля орут свои дурацкие кричалки. Даже сейчас, когда я смотрю матч раз, на верное, в пятисотый, слова все еще кажутся мне нелепыми.

Орлы, орлы, сильны и смелы. Достойны вы всякой хвалы!

Камера отворачивается от поля и показывает крупный план подпрыгивающих бедер под фиолетовой каймой плиссированной юбочки. Весь экран заполняется этим изображением напряженных мускулов.

– *Брэнд*, – причитает откуда-то из-за кадра Гейб. – Игра. Снимай *игру*.

Изображение размывается: Брэндон снова переводит камеру, на сей раз на прекрасное лицо Гейба.

– Ну же, – стонет тот. – Будь так добр.

Он трясет головой, и на глаза ему падает несколько золотистых локонов. Глаза у Гейба такие зеленые, что поначалу вам бы показалось, что это просто пятна краски на лице. Или линзы. Они того самого оттенка, про который думаешь «конечно, так я и поверила», только разница в том, что это и есть его натуральный цвет. Точь-в-точь как холмы Ирландии: они кажутся отфотошопленными для туристического проспекта, но существуют в реальности. Гейб поджимает пухлые губы:

– Мог бы хоть немного погордиться сестрой, знаешь ли.

Изображение дергается: Брэндон вновь направляет камеру на чирлидерш. Три из них смотрят не в объектив, а чуточку в сторону. На моего Гейба. Три чирлидерши слегка помахивают ему кончиками пальцев. Хихикают и выпячивают грудь, демонстрируя роскошные фигуры. Так модели в шоу «Угадай цену» показывают на лоты.

– Я вообще тебя не понимаю, – говорит Брэндон. – Ты мог бы выбрать любую из них...

Гейб фыркает (камера показывает мочку его левого уха, а потом резким движением отходит назад).

– Твоя сестра интересней, – говорит он. – Мне пришлось ее уговаривать.

Его слова подхватывают меня, точно мяч, и швыряют обратно в первый год учебы. Тогда король белых танцев то и дело появлялся у моего шкафчика, подмигивал мне в коридорах. Отправлял эсэмэски, когда я уезжала с командой играть в другие школы. Я до сих пор отчетливо слышу, как девчонки дразнили меня, будто у Гейба вши, пихали меня локтями. Иногда ревность проявляется именно так. *Ты ведь не будешь это есть?* – спрашивают люди, сморщив нос и показывая на шоколадную печенку в твоей руке. Как только согласишься, мол, конечно, не буду, так они выхватят ее из твоих рук и запихнут целиком в рот, и щеки у них надуются, как у Диззи Гиллеспи.

Однако, даже когда я сказала так про Гейба («*Да, вы правы, он не в моем вкусе*»), он не сдался. Не позволил никому себя увести. Ни девочкам из моей команды, ни чирлидершам, ни теннисисткам в их коротких юбках, ни главе дискуссионного клуба, ни выпускнице-отличнице. Он продолжал осаждать *меня*: говорил, какое счастье для него – хоть немного погреться в лучах моей звезды. Со мной никто раньше так не разговаривал. Когда я наконец согласилась на свидание, вся женская половина школы забила копытом по плитке коридоров. Seriously, мне показалось, что случилось великое землетрясение в Ново-Мадридском разломе: то самое, которое давно уже предсказывают сейсмологи.

– Зачем я вообще принес тогда эту дурацкую камеру, – говорит Брэндон из дверного проема.

– Это не ты ее принес, а Гейб, – напоминаю я. – Ты снимал, пока он делал заметки для газеты.

Победы и поражения «Орлов» транслировали в передаче «Орлиный взор» (ее показывали в школе по понедельникам с утра).

Но это еще не все! О наших играх писали в школьной газете, и над спортивной колонкой красовалась фотография Гейба Росса.

– Знаю я, чем ты тут занимаешься, – сообщает мне Брэндон. Он окидывает меня неодобрительным взглядом, и на секунду мне кажется, что мы обменялись возрастами, как бейсбольными карточками. Внезапно я чувствую себя младше брата на два года. – Ты пересматриваешь эту последнюю игру, чтобы понять, где облажалась, так? К твоему сведению, ошибки не было никакой, Челс. Это был несчастный случай. Такое не предугадаешь, как ни старайся. Это просто *случилось*.

Я смотрю на край скамьи в углу экрана. Почему я не осталась там, на этой скамье? *Всего на пару игр*, думаю я про себя. *Если бы я пересидела пару игр...*

– Я серьезно, Челс. Ты только мучаешь себя, пересматривая это дерьмо. Только хуже себе делаешь. Я-то знаю – как знал и тогда, что тебе больно.

– Мне миллион раз до этого было больно, – напоминаю я ему, чуть не срываясь на крик. – Я ушибала пальцы, растягивала ахилловы сухожилия и лодыжки. Все спортсмены терпят боль. Лучшие игроки просто сжимают зубы и двигаются дальше.

Но с бедром было по-другому. Я знала это и должна была, просто обязана была знать, что лучше пересидеть ту игру. Я снова начинаю грызть себя за ошибку.

– Вы что-то расшумелись, – говорит папа с теплотой и нежностью тюремного надзирателя. Он встает в дверном проеме рядом с Брэндоном. В руках у него стакан воды. Лунный свет льется сквозь жалюзи, оставляя на его лице горизонтальные полосы. Ни дать ни взять решетка в камере.

Я нажимаю на кнопку пульта, и моя последняя игра исчезает с экрана, сменяясь передачей про какую-то новую соковыжималку.

Царапка – серый кот, которого папа принес на мой восьмой день рождения – с мяуканьем трется о папины ноги. Потом, проскользнув по полу, запрыгивает на мою старинную кованую кровать. Думаю, для него расстояние от ковра до моего пушистого одеяла примерно такое же, как для меня когда-то было от пола в зале до кольца. Только вот Царапке уже десять (настоящая старость для кота!), но он еще может прыгать. А я... я могла бы сделать себе карьеру в баскетболе. Но для меня все закончено. Все. Время вышло. Баскетбол для меня – как песочные часы, весь песок в которых пересыпался в нижнюю половину.

Царапка забирается мне на колени, тут же начиная мурлыкать и цепляться когтями за мою футболку на животе. Ну ладно, я еще не совсем распустилась, пресс у меня по-прежнему на месте. Но теперь, когда он не каменно-твердый, мне собственный живот кажется... рыхлым. Особенно когда Царапка запускает в него свои лапки.

– У тебя завтра экзамен, – рявкает папа. – Последний экзамен в выпускном классе. Тебе бы об оценках подумать.

Ага, конечно, думаю я. Теперь, когда я лишилась всех шансов на спортивную стипендию, оценки – это единственное, что имеет для папы значение. Но я не знаю, на какую такую академическую стипендию для меня он рассчитывает на этом этапе. Уже май, и выпускной так неотвратим, что в моем шкафу уже поселились мантия и квадратная шапочка.

– Мы просто смотрели телик, – говорит Брэндон.

Отец поворачивается к нему, и лицо его смягчается.

– Давайте потише, хорошо, приятель? Не разбудите маму.

Брэндон кивает.

– Приятель, – фыркаю я, когда папа исчезает. – Ну еще бы.

– Челс, он просто не...

Я снова запускаю видео.

– Ты ведь тоже не сахар с ним, знаешь ли, – продолжает Брэндон.

– Ох, хватит уже!

Мы не отрываясь смотрим друг на друга, и я замечаю непослушный вихор: он опять выбился из прически Брэндона. Волосы у него ужасно непослушные. Днем он пытается

привести их в порядок, но к вечеру этот вихор неизменно вырывается на волю. Помню, в детстве волосы у брата торчали во все стороны, и у мамы никак не получалось их пригладить. Может, если я погляжу на него еще, то Брэндон в моих глазах опять станет семилетним мальчиком. А значит, мне самой будет девять, и во мне только-только проснется талант спортсменки. Я стану девочкой, чья история только начинается.

Однако щетина на подбородке брата и серебряные сережки в ушах (он не снимает их даже во сне) разбивают мою иллюзию вдребезги. Суровая реальность напоминает: я теперь – вышедшая в тираж бывшая спортсменка, и единственные доступные мне упражнения – это плавать в Спрингфилдском бассейне Христианской молодежной ассоциации. Грести по дорожке, обозначенной канатами и буйками, и наблюдать за седыми старушенциями, которые занимаются водной аэробикой по соседству. Теперь я – та, которой они благосклонно улыбаются всеми своими морщинами и которой машут, потрясая дряблыми трицепсами. Словно я – одна из них. Одна из слабаков.

А ведь так и есть. Именно поэтому я ни разу за полгода не вышла на площадку. Мне только и остается, что прокручивать без конца свои старые игры, словно я – никому не нужная бывшая звезда без единого шанса на успех.

– Ладно, делай что хочешь, – говорит наконец Брэндон, отворачиваясь. – Ты безнадежна.

Я увеличиваю громкость им с папой назло.

– Закрой дверь, когда будешь выходить, – окликаю я брата.

На экране Гейб черкает что-то в блокноте, когда группа поддержки затягивает речовку. Услышав ее, Гейб улыбается своей ослепительной улыбкой, и мой желудок превращается в трепещущий комочек клубничного желе.

Гейб кладет ручку на блокнот на коленях и начинает хлопать, подхватывая мелодию и своим ангельским тенором оттеняя глубокий баритон прямо за его спиной. Камера поворачивается и фокусируется на папе. Лицо его светится волнением и счастьем... и даже... мысль эта кажется такой же нереальной, как воспоминания о моем первом дне в детском саду, но... похоже, папа мной гордится.

«Все будет о'кей», – скандируют в унисон папа, Гейб и Брэндон. Они так увлечены, словно поют припев любимой песни. – Все будет *о'кей*». Клянусь, папа так старается, что на лбу у него выступает пот.

– Теннесси или университет Коннектикута? – кричит отец моего лучшего друга из младшей школы, хлопая папу по плечу.

И папа – он, возможно, и не спортсмен года, но сам бывший баскетболист, который сажал дочь на свои широченные плечи, чтобы она могла забросить свой первый мяч; который ставил ее себе на колени, чтобы она видела площадку, когда он взял ее на первую игру в колледже; который купил ей первую пару кроссовок, – папа поворачивается к нему и расплывается в улыбке:

– Она пока не решила. Но я за Теннесси – ближе к дому.

Все будет о'кей.

Весь зал подхватывает речовку. Вернее, та его часть, что в домашней зоне. «Все будет о'кей». Но на самом деле они кричат нечто иное. Они говорят не о том, что команда победит, что мы забросим больше мячей в корзину, что обыграем противника. Они говорят обо *мне*. Челси Кейс. Игра слов.

– Давай, Челси! – кричит папа, засовывает два пальца в рот и свистит.

Все будет у Кейс. Слова стучат мне по барабанным перепонкам, словно я присутствую в зале. Могу поклясться: я чувствую вибрацию от лихорадочного топота на трибунах. Он отдается у меня в груди. *Все будет у Кейс.*

– Домашние болельщики сходят с ума по номеру двадцать три, атакующей защитнице Челси Кейс. Это главный козырь «Орлов Фэйр Гроув», – сообщает Фред Ричардс, комментатор местной новостной команды. – Невероятно, но в первый год учебы в колледже Кейс набирала по двадцать четыре очка за игру, и, похоже, теперь она намерена побить свой рекорд.

Жители округа так же легко узнают громогласный голос Ричардса, как, скажем, отличают оранжевый цвет от других. Гейб всегда занимал место позади него и его оператора, чтобы голос Фреда сопровождал видеоряд для «Орлиного взора».

– Кейс делает подбор, – продолжает Фред, а я подхватываю мяч и бросаю лэй-ап. – Кидает, и... теперь «Фэйр Гроув» ведет с отрывом в чистых десять очков!

На экране я трусой удаляюсь от кольца, следуя за мячом на дальний конец площадки вместе с остальными игроками. Моя футболка вся промокла от пота, с волос чуть ли не капает – и это не от напряжения. Это от жгучей боли. Пересматривая пленку, я каждый раз чувствую эту боль заново. Я знаю, что к этому моменту – когда до конца третьей четверти остается пять минут – та я, которая на экране, страдает так сильно, что считает секунды, как какая-нибудь толстуха на беговой дорожке, пообещавшая себе похудеть после Нового года.

Судья свистит в свисток, размахивая руками, и фиксирует фол с нашей стороны. Неодобрительный гул сочится с трибун густой черной смолой.

Когда Бет Харди, шестнадцатый номер, разыгрывающий защитник «Авроры», выходит делать штрафной бросок, я (которая на экране) закрываю глаза. Только мне известно, о чем я тогда думала. Я представляла, что причина этой боли, исходящей из самой сердцевины моего существа, заключается в наших соперницах. Я пытаюсь представить, как две из них стоят по бокам от меня и по очереди тянут на себя огромную пилу. Пытаясь переплавить боль в ярость, я воображаю, что они распиливают меня напополам.

Все будет у Кейс. Харди промахивается, и мое сердце сбивается с ритма. Я поворачиваюсь и несусь по площадке. Тереза, наша разыгрывающая защитница, перехватила мяч и ведет его дриблингом позади меня; ее длинные блондинистые волосы, заплетенные во французскую косу, бьют ее между ключицами так же яростно, как мяч стучит по полу.

Все будет у Кейс.

Как и всегда на этом моменте, я перевожу взгляд – от себя, от мяча – на двух спорящих мальчиков. Передний ряд, дальний угол трибун, в паре шагов от кольца. Они толкаются и пихают друг друга локтями. Безо всякой злобы: они не то чтобы всерьез ругаются, просто дурачатся, как принято у братьев. Они и есть братья. Близнецы Хайфулы, Леви и Такер, оба в дурацких, натянутых на глаза бейсболках. Хотя камера Брэндона только краем цепляет их профили, но идиотские улыбки все равно выдают их лучше, чем таблички с именами. Придурки, оба полные придурки. Дебилы в футболках сельскохозяйственного потока «Фэйр Гроув».

Толчок локтем, еще один, пихнуть в грудь, ответить тем же.

В руках у Леви огромный стакан с газировкой. Каждый раз, когда Такер пихается, Леви проливает немного содовой на колени. *Перестань*, беззвучно говорит Леви, а Такер откидывает голову назад, и плечи его трясутся от хохота. Леви пихает его в плечо.

Но Челси на площадке не замечает их дурачеств. Оказавшись под самым кольцом, она не отводит глаз от мяча. Тереза передает его мне. Я на экране раскрываю ладони:

когда мяч касается моей руки, я чувствую его и сейчас – я, сидящая на краешке кровати. Много месяцев спустя я все еще ощущаю поверхность мяча: жесткая, бугристая, словно кожа макалюры. Удар такой сильный, что у меня горит кожа.

Группа поддержки трясет помпонами, болельщики стучат ногами. Спортзал взрывается безумием, словно концертная площадка за минуту до того, как на сцену выйдет легендарная группа.

– ...пасс для Кейс... – кричит Фред, чуть не срываясь от волнения на визг.

«*Нитро! Нитро! Нитро!*» — скандирует толпа.

Однако я совершенно не ощущаю себя взрывчатым веществом. Челси на экране перемалывают металлические зубья блендера. Ее бедра хрустят и скручиваются. Да и Бет Харди — совсем не беспомощный щенок; она, скорее, бешеная собака, готовая броситься в атаку. Она защищается так безжалостно, что я как наяву вижу когти и окровавленные собачьи клыки.

Толпа вопит, скандирует, топчет, а я поворачиваю свое ломающееся, горящее от боли тело и бросаюсь в прыжок. Но сама понимаю, еще не отпустив мяча, что попытка не удалась. Я прыгнула слишком высоко и развернулась совершенно не так, как надо.

— Кейс кидает, и... — радостно начинает Ричардс. Я в который раз размышляю, как ему вообще пришло в голову, что своим неудачным броском я могла отправить мяч даже не в корзину, а хотя бы рядом с ней. Как он рассчитывал закончить фразу словом «забывает»?

На трибунах Такер беззвучно говорит «ой» и выдвигает локоть, чтобы пихнуть близнеца. Леви пытается увильнуть от удара. Он отклоняется. Рука Такера натывается на пластиковый стаканчик и выбивает его из пальцев Леви. Стакан летит к площадке и приземляется у самой лицевой линии. Он переворачивается, и газировка разливается под кольцом. Коричневая пузырчатая тень ползет по блестящему полу спортзала.

Я нажимаю на «паузу»; Челси зависла в воздухе. Она еще не успела приземлиться после своего безумного, отчаянного прыжка. Ее ноги еще не коснулись лужи от разлитого напитка Леви. Она еще не потеряла равновесие и не поскользнулась в липкой газировке. Ее ноги еще не разъехались в разные стороны, как у чирлидерши, которая садится на шпагат. Тело ее еще не ударилось о твердую, как кирпич, поверхность пола.

Скоро меня спешно заберут в пункт первой помощи, где доктор так сдвинет брови, что они столкнутся, как две машины при аварии. Он покажет на рентгеновский снимок: трещина прошла сквозь мое бедро, и я стала похожа на надтреснутую чашку. Доктор показывает головой, когда я наконец расскажу про боль в тазовых костях. Он скажет: *Твое бедро уже было повреждено стрессовым переломом, Челси. Ты слишком его нагрузила. Надо было рассказать кому-нибудь, что тебе больно.* Меня отправят на операцию, а после карьера спортсменки разобьется на мелкие, острые осколки, которые изменят всю мою жизнь. Такие осколки часто можно встретить в трейлерном парке после урагана.

Я пристально смотрю на себя, от всей души жалея, что не могла тогда поставить на «паузу» свою жизнь. Почему нельзя было зависнуть в воздухе навеки и не испытывать той мучительной боли, что последовала дальше?

Клинт Малый штраф

– Назови меня психом, – говорит из-за регистрационной стойки Эрл, владелец рыболовного курорта «Озеро в лесу», – но я, представь себе, считаю, что человек на отдыхе хочет... ну, отдохнуть.

У меня сразу пропадает весь энтузиазм. Я оглядываюсь на плакат, который только что прикрепил кнопками на стену лобби. Он совсем даже не плох, этот плакат. Я бы даже сказал, что на моем коллаже природа Северной Миннесоты словно манит зрителя. Белопенные бурлящие потоки, байдарки в чистых речных водах, бурые полосы пешеходных троп – что может быть лучше? *Дайте мне неделю, и я научу вас, как получить идеальное тело!* – обещает мой плакат. – *Тренинг в «Озере в лесу»!*

– Это отличная идея, – защищаюсь я. Но слова мои звучат так неубедительно, что с головой выдают, как мало я уверен в себе. Я прокашливаюсь и решаю, что надо действовать настойчивее. – Я же никого в зал силой не загоняю. Это все активный отдых на природе: пешие прогулки, плавание, гребля, да еще на фоне таких шикарных пейзажей. Разве не за этим люди сюда и приезжают? Ради природы? Кто выберет отдых в Миннесоте, чтобы сидеть в помещениях?

– Не знаю, – бормочет Эрл. – Людям нравится немножко полениться в отпуск. Здесь люди не ходят в походы, а прогуливаются по аллеям, Клинт. Байдарки нужны для того, чтобы глазеть по сторонам, а не соревноваться. Плавать? Скажи лучше, возлежать на надутой шине в тихих водах пристани. *Отпуск*, сынок. Это значит отдохнуть. Расслабиться. Вот за этим люди и приезжают, ты бы мог это уже усвоить. Мужчины рыбачат. Женщины строят глазки гидам.

– Мне они глазки не строят, – говорю я.

Распахивается дверь в столовую.

– Ничего страшного, Клинт, – говорит Тодд, заглотив огромный кусок сэндвича (от сэндвича воняет укусом). – Не всем же быть объектами фантазий. Только избранным.

Я подозреваю, что он не шутит. Мы только-только приехали поработать летом на курорте, а он уже разгуливает в футболке с логотипом «Озеро в лесу», которая ему мала: показывает девчонкам на отдыхе, сколько часов он провел в спортзале. Но восемнадцатилетних на курорте не так уж много; чаще всего приезжают семьи с маленькими детьми. Но Тодд явно надеется на лучшее.

Он вытирает рот тыльной стороной ладони; увидев мой постер, он издает стон:

– А *это* что еще такое? Что с тобой не так?

– Да так, просто мысль.

Тодд трясет головой:

– Нет, нет, больше никаких мыслей. Ты все испортишь.

– Что я испорчу? Сказал же, просто мысль такая в голову пришла.

– Нет, нет, нет, – бормочет Тодд и наконец проглатывает кусок. – Послушай. Я понимаю, что ты из кожи вон лез в последний год в колледже. Наверстывал упущенное, да? Ну ладно, бывает. Но в прошлом-то году, когда мы с тобой и Грегом поступили в университет... Тебе же даже в общаге жить не пришлось – у нас был *свой дом*. Никаких родаков. Отличная возможность. И что ты делал? *Учился*. Господи помилуй, кто вообще учится на первом курсе? А? Ты знаешь таких? – оборачивается он к Эрлу.

Тот в ответ дергает себя за жесткую бороду, словно из стальной стружки, изо всех сил пытаясь не расхохотаться.

– Нет, ну кто так зубрит? – выкрикивает Тодд так громко, будто я оглох. – Ты ходишь в спортзал – берешь спецкурс по бондиане – занимаешься информатикой. Ты хоть раз на вечеринку-то сходил, Морган?

Я молча смотрю на него. Он знает, что не сходил.

– Ты все испортил. Самый веселый год своей жизни. Все испоганил. А теперь, в самом начале лета, когда все устраивают себе передышку, ты устроился на три работы.

– Никакие не на три...

– Гид на курорте, – перебивает меня Тодд, поднимая вверх указательный палец, – работа в «Щучьей заводи», – упомянув ресторан моих родителей, он отгибает средний палец, – и теперь, – заканчивает Тодд, поднимая указательный (вымазанный майонезом из сэндвича), – *вот это*.

Он показывает на постер и запикивает остатки сэндвича в рот.

– Да, может, ты и правда слишком много на себя берешь, – поддерживает его Эрл.

– Во-первых, родители мне не платят, – протестую я. – Работа в «Заводи» – это все равно что по хозяйству им помогать. А деньги мне не помешают, когда надо будет платить за следующий семестр. И учебники по геологии стоят недешево, знаете ли. Может, вы записались бы оба на мой тренинг? Вы бы очень меня выручили.

– Вот уж нет, – трясет головой Тодд. – Еще чего. Буду я потакать твоему трудоголизму. Работать, учиться, Господи Боже мой. И еще: если твои родители не перестанут трещать о том, какой ты блестящий студент, я тебя приблю. Мои предки часто ужинают в «Заводи».

– А ты? – спрашиваю я Эрла.

– Коклюшем заболеть и то приятнее.

– Вот увидите, я найду кого-нибудь, – уверяю я их со смехом. – И часа не пройдет.

– Кстати о часах, – говорит Эрл, кивая на мои поношенные наручные часы. Да, немного старомодно, но я не большой поклонник сотовых, а все остальные проверяют время только на телефонах. Которые, кстати говоря, плохо ловят в такой глуши. – Мне кажется, тебя ждет группа.

Я бросаю взгляд на запястье и стучу о стойку коробком со значками.

– Если не заполучу клиентов до конца недели, с меня ужин в «Заводи» для вас обоих. С этими словами я бегу к двери.

– Твоим родителям не понравится, что ты разбрасываешься их едой, – предупреждает Эрл.

Тодд смеется, опершись на стойку, и, как обычно, дожидается последней секунды, прежде чем отправиться с группой на рыбалку. Такой уж он, этот Тодд: вечно тянет до последнего. Нет, он не какой-нибудь безответственный дебил. Эрл бы его и близко к своим лодкам не подпустил, если бы не доверял ему. Просто Тодд никогда не спешит. Вообще никогда.

Я бы ответил им чем-нибудь язвительным, но я уже выбежал за дверь, и они вряд ли меня услышат.

Снаружи знакомо пахнет болотом и землей. Папа стал брать меня сюда в походы и на рыбалку, когда я только-только закончил второй класс.

По озеру медленно движется белая лодка, оставляя дорожку ряби. На борту я вижу Грега: он развлекает кучку шумных туристов, насаживая наживку на крючки и рассказывая всякую дичь о том, каких огромных рыб ловили другие отдыхающие. Похоже, я слышу, как он орет: «Да эта рыбина была размером с кита!» Что-то он на взводе; наверное, рад вернуться на курорт. Орет так, что на том конце озера слышно. Не щадя сил, настраивает туристов на погоню, как в «Старике и море» Хемингуэя.

Грег, Тодд и этот курорт: троика моих самых старых друзей. Их изображения красуются в маминых фотоальбомах: вот пикник на День независимости, вот чей-то день рожде-

ния. Но все меняется: теперь игры закончились. Мы с Греггом и Тоддом прошли все возможные курсы и получили все возможные сертификаты (или, во всяком случае, все известные Тодду), чтобы стать инструкторами по рыбалке. Теперь мы можем завозить группы туристов на середину озера. Оно такое огромное, что иногда напоминает мне Атлантический океан. Тодд с Греггом рады ограничиться лодками, я, как говорит Эрл, многостаночник. Помогаю везде, где нужна помощь. Конечно, в первую очередь занимаюсь рыбалкой, но еще вожу туристов смотреть на птиц и собирать цветы. Катаю на байдарках и квадроциклах.

Мы работаем у Эрла уже второй год. Иногда я просто не верю своему счастью. Эрл ведь и не знает, что я бы еще и сам приплатил ему за такую работу.

– Пошли, ребята, – машу я кучке затихших туристов, столпившихся рядом с тропинкой за главным зданием.

Они успели разглядеть вышитый логотип «Озеро в лесу» у меня на левом плече и один за другим улыбаются, понимая, что я – как раз тот, кого они ждали.

– Надеюсь, камеры у вас с собой, – говорю я и навожу на солнце цифровик, который позаимствовал перед походом. Мы с этими людьми еще не знаем друг друга по именам. Пока не знаем. Скоро они будут окликать меня, показывая на алые цветы по сторонам тропы, и спрашивать, как они называются. Ко времени отъезда эти туристы запомнят не только мое имя, но и названия всех дикорастущих цветов в Миннесоте.

Мы взбираемся вверх по грунтовой тропинке. Я чувствую, как по икроножным мышцам разливается тепло. Стоит конец мая, и солнце так припекает затылок, что за ушами у меня все взмокло. Надо было взять бейсболку с логотипом «Озеро в лесу».

Я стараюсь не идти слишком быстро, чтобы пухлая дамочка в оранжевых штанах, плетущаяся в хвосте группы, не отстала слишком сильно. С каждым шагом дребезжит и колотится о мою ногу старый компас в кармане шорт. Скрежет металлических деталей напоминает хихиканье; компас словно поддразнивает меня. *Ты что, думаешь, что заблудился на этой тропе? Ты же добрый десяток лет по ней ходишь каждое лето, Клинт!*

На самом деле я ношу с собой свой старый бойскаутский компас с тех пор, как нашел его на прошлой неделе и внезапно почувствовал прилив какого-то странного спокойствия.

– Эй, – крикнул тогда Тодд с верха лестницы, что ведет в подвал родительского дома. – Ты же сказал, что знаешь, где палатка.

Я что-то пробурчал вполголоса, поднимая пыльную коробку. Крышка раскрылась, и на гору пледов вывалилась куча скаутских реликвий, включая мой компас.

Я устоял на него, повертел в руке, не вполне понимая, откуда на меня нахлынуло такое умиротворение.

– Морган! – снова позвал Тед. – Давай живее! Так мы тут до вечера проторчим. Ты вообще хочешь в поход или нет?

Я положил компас в карман шорт и откинул коробку в сторону:

– Дело пойдет быстрее, если вы, двое лузеров, спуститесь и поможете мне.

С того дня компас неизменно оттягивает мне карман.

Я глубоко вдыхаю сладкий летний воздух. Надо мной щебечут какую-то чепуху птицы; утята плывут за мамой по реке стройной линией. Крякающие утки немного напоминают мне туристов, что бездумно бредут за мной следом. Они переговариваются, совсем не глядя под ноги, и я слышу, как они то и дело оступаются.

Я оглядываюсь через плечо на идущих сразу за мной. Очевидно, это отец и дочь. Папа похож на бегуна. Дочке лет двенадцать. Она одета в ужасную розовую футболку с надписью «Girl Power»; в руках так крепко зажат телефон, словно он должен спасти ее от неминуемой смерти в лесу. От нее пахнет виноградной жвачкой и уютом детской спальни. Она краснеет, поймав мой взгляд.

Хотя я и пытался отрицать, Эрл был прав: туристки и правда любят строить глазки и все такое. Каждое лето молоденькие девчонки, вроде этой, влюбляются. Краснеют при виде то одного гида, то другого. Накручивают локоны на пальчик, хихикают ни с того ни с сего.

Если честно, то получать знаки внимания от двенадцатилетней очень неловко. Особенно на глазах у ее отца. Но девочки постарше тоже иногда дуреют на курортах. Интересно, в чем вообще смысл таких влюбленностей для девушек, которые такое испытывают? Что хорошего может быть в таких одноразовых романчиках? Оторви и выбрось. Может, Тодду или Грегу такое и нравится, но я просто не понимаю, в чем кайф.

От всей души надеюсь, что мисс юная феминистка не станет околачиваться вокруг меня все каникулы. Внезапно она смотрит на тропинку впереди и громко охает.

– *Посмотрите*, – показывает она на дерево с татуировкой. Ну, мы так называем его на курорте. Оно и правда выглядит, как старый рокер: все покрыто сердечками и буквами. Некоторые нарисованы краской. Другие вырезаны перочинным ножиком. Все любовные истории-однодневки, что случались у озера в лесу, остались на коре этого дерева.

Девочка как раз вошла в тот возраст, когда очаровывает сама идея любви. А может, и не только любви, но и любовной драмы, разбитых сердец. Наверно, маленьким девочкам разбитое сердце кажется таким же признаком взрослости, как каблуки или губная помада.

Я, сам того не желая, смотрю и смотрю на дерево. И глаза мои тут же находят – как и всегда – знакомую надпись: «Клинт + Роуз». В самом низу, у толстых и узловатых корней, торчащих из земли. Я словно наяву чувствую прикосновение крошечной стеклянной бутылки с краской к ладони. Я тогда присел у самой земли, чтобы написать наши имена. Боже, а ведь я был тогда даже младше, чем эта девочка.

Рози, Рози, Рози. Я скучаю по тебе...

– Все в порядке?

Я поворачиваюсь: на меня с тревогой в глазах смотрит отец девочки, бегун. Это немного ошеломляет. Я вспоминаю времена, когда все смотрели на меня именно так.

Два года назад. Сложно поверить, как быстро бежит время, но такова уж жизнь: это случилось уже больше двух лет назад.

Внезапно я вспоминаю комнату Рози. На кровати разбросаны книги в мягких обложках; корешки согнуты, чтобы можно было класть их раскрытыми страницами вниз. Я вспоминаю, как она пела в «Заводи» в самые оживленные часы под аккомпанемент недоделанной группы, состоявшей из Грега и Тодда. Я вспоминаю ее маленькую белую «Мазду-Миата». Она всегда водила слишком быстро. Вспоминаю ее черные волосы, заплетенные в косички: она всегда носила волосы именно так, с тех самых пор, как стала слишком взрослой для двух хвостиков. Вспоминаю, каким счастьем было просто держать ее за руку.

А еще я вспоминаю похороны. Грег шел за мной по заснеженному кладбищу всю дорогу до моего грузовика. Он наблюдал, как я отмахивался от всех этих соболезнований. Он был свидетелем того, как я сказал родителям, что не поеду сразу домой.

– *Что?* – рявкнул я на Грега, открывая дверь со стороны водителя. Мы оба еще не сняли черных зимних плащей. Чопорные шерстяные плащи, которые купила нам мама. Она сказала, пригодится для особых случаев, когда мы дорастем до этих особых случаев. Но мы выглядели в них полными дураками и сами не были на себя похожи. – Думаешь, я сорвусь, что ли? – заорал я на него.

Грег пожал плечами, не вынимая рук из карманов:

– Не знаю, чувак. Кто я, чтобы тебя судить?

– Так вот. Не буду я. Понял?

– Да ладно, ничего страшного, если...

– Если *что?* – завопил я, и дверь заскрежетала, распахиваясь на морозе.

– Ну... Не знаю... Если ты захочешь... ну, поорать или типа того. Я просто говорю... если захочешь проораться...

– Мне пора на работу.

– Ты что, шутишь?

– Работа, – повторил я. – Инвентаризация в «Заводи».

– Ты только что *похоронил свою девушку*, – сказал Грег. – Ты что, думаешь, родители...

– Мне пора, – сказал я, забираясь в машину.

Я включил радио и повел свой грузовик до Бодетта. Добравшись до «Заводи», я припарковался на обычном месте и отпер главный вход в ресторан, хотя обычно заходил через боковую дверь. Я швырнул плащ на столик, хотя обычно вешал верхнюю одежду в папином кабинете. Я поклялся, что теперь все будет иначе. Я поменяю место, куда ставлю ботинки. Буду есть на завтрак другую еду. По выходным буду ходить в другие места.

Ведь если я поменяю в своей жизни все, все, все, то это значит, что у меня будет новая жизнь? Наверное, я и чувствовать себя буду иначе? Мне больше не будет так больно?

Я буду работать. Работать, как никогда раньше. И начну прямо сейчас, с пересчета банок с горчицей в «За води».

– С тобой точно все хорошо? – переспрашивает отец двенадцатилетней девочки.

Усилием воли я возвращаюсь на тропинку. Все смотрят на меня с этим ужасным обеспокоенным выражением на лицах.

Просто не обращай внимания, говорю я себе.

– Конечно, – отвечаю я вслух, одаряя улыбкой группу. – Все хорошо.

За последние два года я повторял это так часто, что слова превратились в мантру. *Что было, то было*.

Как же тошно. Я просто пришел на это место, вспомнил... и покрылся шрамами, как это дерево. Похоже, сердечная боль и отчаяние у меня написаны на лице.

– Просто жалко деревце, знаете ли, – продолжаю я.

– Ага, – соглашается папаша с хмыканьем и бросает еще один взгляд на изрезанный ствол.

Его дочка смотрит на меня, слегка наклонив голову. Поймав мой взгляд, она снова краснеет. Она давит на кнопки телефона большими пальцами и издает возмущенный писк, когда понимает, что связь здесь так себе. Я вздрагиваю и веду группу дальше на холм.

Мы продвигаемся вперед. Солнце светит на нас, словно забыв, какие ужасные вещи могут случиться на этой прекрасной планете, которую оно освещает каждое утро.

Челси

Передача в воздухе

Весь выпускной класс набился в пиццерию «На вершине холма», которая, по правде говоря, является единственным местом в Фэйр Гроув, где можно отметить последний звонок. Каждый год одна из хорошеньких девиц в майке и тесных джинсах, выращенная на отборной кукурузе, залетает от парня, у которого сидела на коленях – и он явно был не против поработать стулом. Каждый год одного из футболистов, который под столом подливает бурбона в свою колу, отвозят по скорой в больницу Спрингфилда, где ему промывают желудок. Пятеро или шестеро отличников, ни разу за всю школу не опоздавших на урок, внезапно чувствуют тягу к приключениям и, вдохновившись названием пиццерии, в ночи устраивают гонки с холма и несутся со скоростью за сто километров в час по извилистым проселочным дорогам.

Мы сидим за столом в глубине зала: я, Гейб и девочки из команды. Оранжевые пятна жира на тарелках похожи на абстрактные полотна. Все так расшумелись, что радио можно было бы и выключить. Хэнк, вечно потеющий владелец пиццерии, то и дело поднимает глаза от бледных кругов теста, которые он смазывает кроваво-красным соусом. Наверное, беспокоится, не натворим ли мы дел в его заведении, раз так разорались.

– Надеюсь, бутылок у вас нет, – кричит он, вытирая влажный лоб тыльной стороной ладони. От его слов поднимается такой хохот, будто кто-то завел восьмицилиндровый двигатель.

За моим столом Тереза и Меган, наши защитница и тяжелый форвард, разыгрывают сцену из последнего сезона. Лили, наша крошечная и худенькая нападающая, которая фигурой похожа на шест для тетербола (и это несмотря на все ребрышки, что она съедает за шведским столом!), присоединяется к спектаклю и кидает воображаемый мяч точно так же, как Брэндон играет на воображаемой бас-гитаре, когда слышит по радио любимые песни. Ханна, наш центровой, высокая, как рекламный столб, смеется раскатистым утробным смехом, от чего у нее даже каштановые волосы выбиваются из хвоста.

Команда изображает лучшие моменты сезона, а я рассеянно оглядываю газетные вырезки на стенах пиццерии. А вот и мое фото: номер двадцать третий победоносно вскидывает вверх кулаки. Это было весной моего первого года. Я вглядываюсь в черные жирные буквы заголовка («ФИНАЛ ЧЕТЫРЕХ, МЫ ИДЕМ!»). Готова поклясться, что слышу металлический скрежет пластины в моем бедре. С ней я похожа на Железного человека.

В этом году команда тоже могла бы поехать в финал, пусть и без меня. Но сколько бы они ни смеялись и ни разыгрывали сценки, мы все знаем, что этот сезон был худшим из всех восемнадцати лет женской школьной команды. Сколько бы тренер Тиндер ни выдавала энергично-вдохновляющих речей в раздевалке, команда уже заранее была настроена на поражение. Лишившись лучшего игрока, они плохо представляли себе, как смогут победить. Да что там, даже на площадке они во время последней игры почти и не присутствовали: Лили достала из спортивной сумки конспект по истории, Ханна бегала с одним наушником в ухе. У Терезы с Меган был отсутствующий вид: такое лицо обычно бывает у студентов на лекциях по осмосу.

Внезапно я замечаю, что мой портрет уже начал желтеть по краям.

В противоположном углу зала сидит Бобби Уилкокс, редактор выпускного альбома и председатель клуба отличников. Он, шатаясь, встает и поднимает бокал, словно собираясь произнести тост. Лицо у него зеленое, как перец в пирогах Хэнка. Не успевает он и слова произнести, как глаза у него стекленеют, он отворачивается в сторону, издает странные звуки, и его рвет примерно шестью кусками пиццы с пеперони.

Группа поддержки визжит от отвращения. Три из них даже взбираются на стулья, словно блевотина Бобби может пробежать по полу и вцепиться им в голые ноги.

Меня же больше шокирует другое. Я замечаю, что Бобби уронил свой стаканчик, и меня передергивает. Коричневая пенящаяся жидкость, испещренная осколками льда... Вот что отвратительно, а совсем не полупереваренный ужин на полу. Я смотрю на стаканчик, не отрывая глаз, и мне кажется, что Хэнк должен обозначить область желтой лентой, как делают с местами преступлений. Ну а что? Каждый, кто видел мою последнюю игру, знает, что разлитая газировка так же опасна, как нож, пуля или машина без тормозов.

В голове у меня паникой пульсирует свист судейского свистка. Я снова слышу шокированный вздох толпы. И свой собственный вопль, который был громче и свистка, и коллективного стога фанатов. Мой крик разрезал мне горло, как самый острый нож.

– Если от твоей рвоты пахнет алкоголем, держись у меня, Уилкокс! – вопит Хэнк (эту фразу он произносит каждый год, заменяя только фамилию в конце). Он выбегает из кухни с покрасневшим лицом, с которого градом струится пот.

Футболисты охают и показывают друг на друга пальцами. В зале раздается их: «Я не приносил бутылку, это не я, вы что». Стулья скребут по полу. Бутылку бурбона уносят под накачанным бицепсом футболиста. Наш стол тоже пустеет; Гейб толкает меня локтем и тычет мне носом в ухо.

– Пошли, – бормочет он, и его дыхание теплой волной ласкает мне шею. – Давай.

Мы выходим наружу и становимся маленькой кучкой под нарисованным на зеркальном окне куском пеперони. Входная дверь пиццерии открывается и закрывается ритмично, словно раскачиваются качели на детской площадке. Мы – бывшие орлицы-баскетболистки – медлим в сторонке, неловко переминаясь сандалиями на гравии тротуара, а они – бывшие старшеклассники школы Фэйр Гроув – набиваются в машины, припаркованные вдоль обочины. Вот-вот официально наступит время гонок по склону, промываний желудка и зачатий.

Мы смотрим друг на друга, зная, что после финальной сирены счет игры уже не изменить. Пришла пора обниматься на прощание, натягивать фальшивые улыбки и притворяться, что мы в восторге от того, что выпустились из школы. Притворяться, что мы не мечтаем о волшебном пульте, который перемотал бы этот период нашей жизни на самое начало.

Особенно я. Правда, мне придется отмотать еще дальше, чем остальным участницам команды: я бы начала с тренировок в гараже, ежедневных пробежек, нагрузок на суставы, стресса, перенапряжения. Мы с Гейбом все еще собираемся вместе поступать в колледж, как и планировали с самого начала выпускного класса. Правда, теперь приходится выбирать что-нибудь попроще: Университет штата Миссури. Это в Спрингфилде, всего 25 километров от моего порога. Туда уже поступили старший брат Гейба и три четверти выпускников Фэйр Гроув из тех, кто вообще собирался учиться дальше. Гейб пойдет на журналистику, как и планировал, а я... а куда же пойду я?

Ночную темень прорывает чей-то крик, похожий на писк сдувающегося воздушного шарика. Группка школьных шутников набилась в салон пикапа. Шон Грейсон, питчер нашей бейсбольной команды и фотограф в школьной газете, безоговорочно победивший в номинациях «Лучшая улыбка» и «Клоун класса», месяц назад крикнул Гейбу, чтобы тот перестал пускать на меня слюни и хоть раз взглянул в камеру (мы тогда позировали для фото «Лучшая школьная пара»). Теперь он сидит, высунувшись из окна машины по самый пояс, и машет мне рукой.

– Эй! Челси! Лови! – вопит он, кидая в меня каким-то предметом. Я инстинктивно наклоняюсь вперед и раскрываю ладони, словно принимая пас.

Грузовик, накренившись, удаляется по улице, а вместе с ним – радостные возгласы пьянящей свободы. Я поворачиваю предмет в руках. Это упаковка презервативов.

Я покрываюсь мучительным румянцем, а моя команда начинает ретироваться в глубь улицы, выкрикивая все эти нелепые «вуху» и «о-ля-ля». Я хочу заорать на них, хочу, чтобы они перестали. Не так мы должны были попрощаться. И все-таки я стою тут, как последняя идиотка, окаменев от ужаса, и по мне сразу можно догадаться, в чем дело: я девственница.

Само слово какое-то нелепое. *Девственница*. В нем есть что-то инфантильное, жалкое и старомодное. Мне вспоминается черно-белое, с помехами, видео из пятидесятых: группа девочек в кринолинах и гольфиках сели в круг слушать лекцию о том, как защитить свою невинность.

– Ну ладно, оставим вас наедине, – поддразнивает Тереза, а Меган, Ханна и Лили подхватывают: «Мы бы пожелали тебе удачи, но зачем она тебе» и «Третий лишний, понимаю-понимаю».

Я раскрываю рот, но слова застряли внутри. Моя команда – впрочем, нет, уже не моя – поворачивается спиной и превращается в четыре пары карманов на задней стороне джинсов, четыре пары босоножек, шлепающих по пяткам, и четыре мерно покачивающихся хвостика.

Проходящие мимо выпускники замечают презервативы в моей руке и издают одобрительные «ого» и «вот это я понимаю». Я пихаю упаковку в сумочку и поправляю прическу.

Гейб берет меня за руку. У него такие прохладные пальцы, особенно по контрасту с моей горячей от смущения ладонью. Будто ныряешь в свежие простыни жаркой летней ночью.

– Не обращай на них внимания, – шепчет он мне на ухо. – Если бы не твоя травма, мы бы такое творили в раздевалке, что им и не снилось.

Суровая спортсменка во мне недовольно шипит: не хватало еще, чтобы Гейб меня защищал. Вот уже полгода, как он изображает из себя рыцаря в сияющих доспехах. Старая я врезала бы ему за то, что пытается меня опекать; она бы сказала, что сама может о себе позаботиться. Но Гейб подмигивает, и новая я расслабляется. Ее сердце плавится тягучей карамелью. *Он знает – он всегда знает*, думает она. Один взгляд на мое лицо – и он уже прочел все мысли, что проносятся в моей голове. Нам не надо трепаться, пока мы оба не умрем медленной мучительной смертью, и изливать душу в ужасных душещипательных разговорах. Это ведь отлично, правда?

В желтом мареве фонарей мы медленно бредем по Олд-Милл-роуд, проходим мимо почты и направляемся к «Белому сахару», пекарне моих родителей. На окне висит огромная вывеска «Поздравления выпускникам школы Фэйр Гроув!», загораживая вид на интерьер. Я, правда, провела столько часов за работой внутри, что, несмотря на тьму и вывеску, я наяву вижу пирожные со взбитыми сливками на стенде и чизкейк на витрине – тот самый, на котором кудрявыми темно-вишневыми буквами выведено: «*Bay, Гейб!*» А еще я вижу металлические спинки стульев, выстроившихся вдоль прилавка и вокруг маленького столика в углу. На стене за кассой висит номер *USA WEEKEND* в рамочке: тот самый номер, с моей физиономией на обложке. Это фото – словно маленькая кнопка со знаком доллара, которую я нажимаю каждый раз, стоя за кассой по выходным: чаевые сыплются только так. Покупатели вежливо улыбаются мне, но в их глазах больше не читается восхищения. Теперь нет. Просто улыбка, словно они говорят мне: *Таймер уже прозвенел, деточка. Вся твоя слава осталась в прошлом.*

Я достаю из кармана позвякивающие ключи и поворачиваю в замке. Мы заходим внутрь, в еще уловимый аромат глазури и свежего хлеба.

Я включаю нижнее освещение: витрины озаряются мягким светом, а пространство у входа остается темным, как плотно закрытый шкаф (не хочу, чтобы кто-нибудь подумал, что пекарня еще открыта). Но не успеваю я убрать руку с выключателя, как с моих губ срывается удивленный вздох.

– Гейб, – шепчу я, закрыв ладонью рот и обозревая магазин. – Это ведь я хотела сделать тебе подарок на выпускной.

Однако Гейб, судя по всему, получил официальное одобрение от мистера Кейса на то, чтобы прийти в пекарню через несколько часов после того, как мы швырнули в воздух академические шапочки. Букеты тюльпанов (мои любимые цветы!) выглядывают из-за прилавка. Длинные ленты с ароматом ирисов струятся с потолка, переплетаясь с фосфоресцирующими звездами на веревках, обсыпанных блестками. В центре зала стоит табурет, а на нем – мой подарок, упакованный в белую бумагу и перевязанный серебряной лентой, сияющей, как хромированный бампер.

– Я был бы не я, если бы не обошел тебя по части подарков, согласись, – говорит он, захлопывая за нами дверь.

Конечно же. Стихи на день рождения, спрятанные в коробке с сувенирами, фоторамка, в которую он вставил билет на наш первый киносеанс (подарок на Валентинов день), а на годовщину – фото наших переплетенных рук в тонах сепии. Все это доказывает, что Гейб Росс на корпус опережает свою девушку по части романтики.

– Ну ничего, дождись только своего дня рождения, – грожу я ему пальцем.

– Думаешь, перещеголяешь меня? – спрашивает он, а потом выхватывает мою коробку с табурета до того, как я начинаю срывать оберточную бумагу. – Не-а, – говорит он. – Пока рано. Тут нужна торжественная церемония.

Я делаю вид, что дуюсь на него, и проскальзываю за прилавок.

– А вот *ваш* подарок на выпускной, драгоценный сэр, – говорю я, поднимая тяжелую стеклянную крышку с Гейбова чизкейка. – От искренне вашей меня. Всего-то придется отдаться в рабство на семьдесят три тысячи часов, чтобы возместить ущерб за весь сливочный сыр, который я перевела на первые неудачные попытки. Нет уж, ты достоин большего, чем надтреснутая корочка.

Гейб посмеивается, протягивая руки через прилавок, и склоняется, чтобы приглядеться повнимательней к моему – ладно, признаем, слегка скособоженному – творению.

– Мне вилка не нужна, я этот торт прямо с лопаточки съем.

Он стоит, опираясь на прилавок, и внезапно поднимает на меня свои зеленые, как весенняя трава, глаза. Его взгляд... у него словно есть пальцы, и они тычут меня прямо в глаза, а затем в голову, добираясь до границ самой моей души. Что-то это уже слишком, но я не могу перестать таращиться на него. Я тоже склоняюсь над прилавком; его губы едва касаются моих. Он слегка отводит голову назад; его дыхание щекочет мне щеку, но до рта я дотянуться уже не могу.

– Кокетка, – раздраженно говорю я и запускаю эспрессо-машину, а он садится на табурет.

Время от времени в магазин просачиваются вопли какого-нибудь пьяного выпускника. Вот уже почти год наша жизнь проходит именно так: мы с Гейбом уютно пристроились где-то внутри, а остальной мир пролетает мимо нас, и его шум доносится до нас приглушенно, издалека. Такова наша жизнь с тех пор, как я разлепила веки после операции и увидела у больничной койки Гейба. Его лицо четко проступало на размытом фоне палаты. Такова жизнь с тех самых пор, как я вернулась в школу после того несчастного случая. Одноклассники проносились по коридорам мимо меня, а Гейб тащил мои книги, держа меня за руку и бормотал «*Все в порядке, не спеши*», пока я ковыляла, стараясь не перенагрузить бедро.

Теперь, однако, в этой относительной тишине, меня одолевают мысли об упаковке в моей сумочке... упаковке с броским дурацким рисунком. А еще об окне пекарни... эти жалюзи так легко закрыть. Мы могли бы смахнуть вазы с тюльпанами на пол и лечь на прилавке, и я бы запустила пальцы в кудри Гейба, я бы разорвала его рубашку напополам...

– Я буду скучать, когда ты уедешь в Миннесоту, – бормочет он, и я подскакиваю так высоко, что чуть не взлетаю.

Я оборачиваюсь через плечо. Он взял одну из сотни брошюр «Озеро в лесу», которыми мама засыпала меня в прошлую пятницу, сразу после того, как я сдала последний школьный экзамен.

– Это же почти Канада, – передразниваю я маму и продолжаю высоким голосом, задыхаясь от притворного волнения: – Какое прекрасное приключение перед колледжем!

– Пообещай, что будешь осторожна, – говорит Гейб. – Ато все эти походы, байдарки... – Он продолжает говорить, перелистывая блестящие страницы брошюры. Но я думаю лишь о светлых волосах на его руках, о его загорелой шее, о том, как он перемахнул бы через этот дурацкий прилавок, схватил меня и уволок на кухню. Каково бы это было? Обезумев от животной страсти, свалиться кубарем, сбив полки. Сахарная пудра облепит наши обнаженные тела, и рты будут оставлять сладкие липкие дорожки, когда мы будем целовать друг друга в...

– *Челс.*

На этот раз, когда я подпрыгиваю и поворачиваюсь к Гейбу, он сидит, сложив руки на груди, а глаза его похожи на замки с кодом: они плотно закрыты. Он произносит только одно слово:

– Нет.

– Что нет?!

– Нет, не сегодня. Не сейчас. Не в пекарне твоих родителей. Не в спешке, не накануне твоего отъезда на каникулы. *Нет.*

Я хмурюсь и трясую головой, словно он только что вовсе не залез мне в голову и не прочел мои мысли.

– Не отрицай. Ты постоянно смотришь на свою сумочку, куда положила презервативы, – говорит он с широченной улыбкой. – Послушай... – Тут он встает со стула и проходит за прилавок. – Это звучит ужасно, но многие парни здесь используют девушек, как одноразовые салфетки. Какая разница, сколько уже побывало в твоих руках, – на месте старой тут же появляется новая. Но мы-то с тобой не такие. Даже если бы не твой несчастный случай, у нас все равно все было бы по-другому. Мы уже давно вместе, – продолжает Гейб. – И да, я хочу тебя. И ты знаешь, что хочу. Но я не хотел бы впервые заняться с тобой любовью только потому, что все остальные делают это сегодня ночью. Ты ведь знаешь это, да?

Мои внутренности сворачиваются в узлы туже, чем сетка под баскетбольным кольцом. *Заняться с тобой любовью?* Меня чуть не затопило от этой фразы. Зачем такие формальности? Зачем Гейбу какая-то идеальная картинка, ему-то? Сплетницы выпускного класса уже всем раструбили, что он уже потерял девственность. Летом, как раз перед нашим знакомством, в лагере для будущих журналистов.

– Я же ничего не сказал об этом на выпускном балу, потому что секс на выпускном балу – это такое заезженное клише, правда?

– Выпускной бал... – вздыхаю я. То была ночь повозок из тыквы и медленных танцев в синем, как океан, платье-бюстье от Веры Вонг. Я казалась себе такой, такой *идеальной* рядом с Гейбом. А потом мы сели в его «мустанг» и выехали на шоссе, не зная, куда едем, только мы вдвоем. Нам не нужны шумные вечеринки. Нам тогда мог принадлежать целый мир, сверху донизу. Ветер испортил мне прическу, но не все ли равно! На всем свете не было никого свободнее нас. Мы доехали до самого Кимберлинг-Сити, а это в ста десяти километрах от дома, и пошли на берег озера Тейбл-Рок. Солнце выкрашивало воду в цвет оранжевых леденцов. Гейб начал выводить узор на моих обнаженных плечах.

– *Знаешь, что это?* – спросил он. – *Это знак бесконечности. Это про нас...*

Теперь же он шепчет:

– Как тебе отель «Карлайл»?

– «Карлайл», – повторяю я, а Гейб обнимает меня за талию.

– Я хотел сделать тебе сюрприз, когда ты вернешься из Миннесоты. Но потом подумал, что лучше скажу сразу. Так тебе будет чего ждать...

– «Карлайл», – повторяю я, будто это слово – единственное, что я вообще помню на родном языке.

– Я уже забронировал номер. Ночь для нас двоих, тогда, когда мы сами захотим.

У меня кружится голова, как на карусели.

– Это же самый шикарный отель в округе, – бормочу я. – Это ты решил после того, как ухватил летнюю работу в престижной юридической компании?

– Мелкая сошка в услужении у помощника адвоката, Челс. Вот и все. Никаких крупных расследований в этом году. Но все же лучше, чем жарить котлеты для бургеров. А кстати, – в глазах Гейба загораются озорные огоньки, – я готов потратить сколько угодно на ночь, которая станет одной из самых важных в твоей жизни. В *нашей* жизни.

Я закатываю глаза, напоминая ему без слов, что задолго до того, как он начал преследовать меня в коридорах, бессовестно флиртуя, слух об интрижке между роскошным редактором спортивных новостей и загадочной журналисткой из соседней школы уже облетел все классы.

Гейб настойчиво качает головой и шепчет:

– Я никогда не был с той, которую *люблю*. И ты заслуживаешь не только отеля «Карлайл». Я бы отвез тебя в Париж, если бы мог.

Эспрессо, который я приготовила для Гейба, заструился из кофемашины в крошечную белую чашку. Но мы продолжаем стоять, обнимаясь за талии. Я даже сквозь рубашку чувствую, как колотится кровь у него в венах. Я знаю, что надо сделать – или сказать – что-нибудь крайне романтическое. Но я совсем не поэт. Я бывшая баскетболистка, у которой ни грамма опыта в постельных делах. И я слишком высокая, чтобы склонить голову Гейбу на грудь.

Внезапно, когда до меня доходит, что все это станет реальностью, у меня разыгрывается воображение. Я представляю нас с Гейбом в роскошной спальне, сплетенных в порыве страсти... Но вот он опускается на меня всем весом своего прекрасного тела, и комната заполняется металлическим скрежетом. «*Что это?*» — спрашивает Гейб, поднимаясь с меня. Но уже поздно: металлическая пластина в моем бедре (когда я думаю о ней, то каждый раз представляю себе заржавелую кровлю, как на большинстве крыш в Фэйр Гроув и его окрестностях)... так вот, пластина переломилась, и ногу у меня заклинило, да так, что колено оказалось где-то в районе уха. «*Хватит смеяться*», – ору я, но Гейб не может успокоиться...

– Пошли со мной, – говорит Гейб, прерывая мои тревожные фантазии. – Буквально на минутку. Торт подождет. У меня ведь тоже есть для тебя подарок.

Я протягиваю руку к белой коробке, но он легонько щелкает меня по пальцам.

– В этом нет необходимости, – широко улыбаясь, говорит он и тащит меня к двери. Я непонимающе хмурюсь.

Я снова достаю ключи из кармана и несколько раз проверяю, закрыла ли дверь. Не то чтобы это играло какую-то роль в Фэйр Гроув, родине баскетбольной команды «Орлиц» и самых невинных душ.

– Мне надо было выключить эспрессо-машину? – спрашиваю я.

В выходные по вечерам винтажный «мустанг» Гейба неизменно стоял рядом со входом в «Белый сахар» на случай, если нам захочется поехать в Спрингфилд в кино или на ужин более изысканный, чем кусок пеперони. Поэтому я логично предполагаю, что на сей раз мы опять поедем в Спрингфилд. Мы спешим к машине. Мои ноги жирно блестят слоем лосьона с запахом роз; я стараюсь держать их подальше от решетки радиатора. Жизнь научила меня,

что если Гейб Росс чего-то не переносит, так это когда прислоняются к его «мустангу» шестьдесят пятого года выпуска. И дышат на стекла. Или швыряют обертку от жвачки на пол. И, если уж на то пошло, когда его дразнят насчет того, что он относится к своей машине, как сторож к музейным экспонатам.

– Мы никуда не едем. Скоро вернемся, – отвечает Гейб, протягивая мне руку.

Но я ее не беру; вместо этого я смотрю на огромные старинные часы под одним из уличных фонарей. Сейчас четверть десятого, и влажная миссурийская ночь теплым дыханием овеивает мне голые руки. Да что там яичницу жарить – если так пойдет и дальше, к августу мы сможем печь печенье с шоколадной крошкой для «Белого сахара» прямо на мостовой.

– Уже почти завтра, – говорю я, показывая на часы. – А завтра мне уезжать в Миннесоту.

– У нас еще полно времени, – настаивает Гейб, призывно помахивая мне пальцами.

Я вкладываю руку в его прохладную ладонь, и мы идем к старинной мельнице, которая даже сейчас является краеугольным камнем города. Конечно, мельничное дело уже давно засохло, как цветы, из которых местные хозяйки раньше плели венки для украшения дверей. Но здесь, у этого исторического памятника, еще собирается на День независимости народ; тут летними вечерами едят мороженое и болтают; тут проходят исторические фестивали под музыку блюграсс.

Мы бредем по траве, над которой целыми россыпями танцуют ранние летние стрекозы. Побег паслена уже начали обвивать стволы деревьев; если бы мы подошли поближе, то увидели бы и фиолетовые цветы по углам мельницы. Однако на полпути Гейб останавливается и показывает на темное небо. Я гляжу вверх.

– Звезда Челси Кейс, – объявляет он. – Я купил ее в Международном звездном каталоге и назвал в твою честь. Все документы лежат в коробке, в пекарне, но мне не нужны карты, чтобы найти твою звезду. Я узнаю ее где угодно. Сияет ярче, чем любая другая. Как и ты.

Я молчу. Дело в том, что его поступок мне – словно наждаком по коже. Я даже не знаю, почему... Это ведь просто романтический жест в духе Гейба Росса.

– Ты купил мне... звезду, – бормочу я. – Ну это... Спасибо тебе.

Надеюсь, что каким-то чудом он не поймет, что это очень натянутое «спасибо». Такое, какое говоришь бестолковой бабule, когда она дарит тебе кроссовки на липучке – *на липучке*, из всех возможных вариантов!

– Знаешь, это как с моряками... Они ориентируются по звездам, как по карте. Или по компасу... – продолжает Гейб. – Так я хотел показать тебе, что сердце – это компас, и *мое* сердце ведет меня прямо к тебе.

Я моргаю, пытаюсь избавиться от рези в глазах. *Ты дурища, Челси, думаю я. Последняя дурища. С чего ты вообще решила, что Гейб тебя недооценивает.*

– Она прекрасна, – говорю я, таращась в небо. Но слова ничего для меня не значат. Так всегда бывает, когда врешь.

– Послушай, – говорит Гейб хрипло. – Никакого тебе торта на выпускной, пока не поцелуешь меня двадцать один раз. По одному за каждую ночь, которую ты проведешь в Миннесоте.

Наши губы соприкасаются, и я закрываю глаза. Открываю рот, прижимаюсь к нему губами и пытаюсь продлить поцелуй от одного мгновения к другому.

– Такими темпами, – говорю я, когда мы наконец отрываемся друг от друга, чтобы глотнуть воздуха, – до двадцати одного мы дойдем к утру.

– Ничего не имею против, – шепчет Гейб.

Наш поцелуй остывает, и тут я понимаю, что звезда Челси Кейс светит ничуть не ярче, чем любая другая.

Клинт

Защита не по правилам

– Хочешь знать, что такое рай? – спрашивает Кензи. Она только вошла на кухню, чуть не вышибив дверь. Она останавливается, чтобы приглушить свет в гостиной. Начинаем ровно с того же, на чем закончили прошлым летом. А я-то надеялся, что девять месяцев порознь немножко остудят смехотворные чувства, которые загорелись в ней прошлым летом на День независимости.

Ее походные ботинки топчут по полу; Кензи вышагивает по гостиничному залу, где теперь остались только мы вдвоем. Стены омывает свет свечей и ее надежды. Я сижу за столом, и чем ближе она подходит, тем сильнее виляют ее бедра.

Вопрос меня пугает, но ранить ее чувства мне тоже не хочется. Наверное, лучше всего будет подыграть.

– Рай... Рай – это бесконечный ряд сосен, простирающийся до горизонта.

– Нет, – отвечает она певучим голосом.

– А что же тогда? – спрашиваю я, закинув руки за голову.

– Конечно, жареные сморчки, – она шлепает на стол тарелку, – вручную собранные вашей покорной слугой сегодня днем. Бутылка охлажденной колы – это подарок от шеф-повара Чарли, который уже удалился на вечерний покой.

Я киваю, не отрывая взгляда от мерцания свечи в центре стола. То есть мы и правда остались совсем одни. Мы с Кензи. Ее волнистые каштановые волосы спадают буйными кудрями, образуя стрелки, которые указывают ей прямо на грудь.

О'кей, Кензи. Я понял. Я заметил. Я просто решил ничего по этому поводу не делать.

Она быстро опускается на стул напротив меня и, поставив локти на скатерть, склоняется через стол.

Я пододвигаю к ней фотоаппарат, который она одолжила мне раньше.

– Вот, это тебе, – говорю я, стараясь не обращать внимания на маленькую сцену соблазна, которую она разыгрывает передо мной. – Куча полевых цветов и закатов... Черные силуэты сосен на фоне неба.

– Куча *открыток*, – поправляет меня Кензи с улыбкой. В ее глазах пляшут восхитительно-задорные огоньки. – Тебе всегда удаются лучшие снимки. Ну правда, ты один держишь магазин сувениров на плаву. Не знаю, что бы мы без тебя делали.

– Ага, бедный-несчастный ты хакер, – говорю я. – Обновлять сайт курорта, спасать туристов от опасной для жизни интернет-недостаточности. – Тут я морщусь. Так происходит всегда, когда я вспоминаю о гениальной идее Эрла «вай-фай в каждый коттедж». По-моему, ничего хорошего она не принесла, один только вред. – И при всем этом ты, естественно, не в состоянии щелкнуть пару снимков цифровой камерой.

Кензи показывает мне язык, цепляясь за тот факт, что я стал ее дразнить, что я согласен играть с ней. Уверен, что она приняла это за доказательство моего интереса, и я уже сожалею о том, что так себя повел.

– Тут нужен взгляд художника, – настаивает она. – У хакеров другие таланты.

От ее восхищенного взгляда меня пробивает дрожь. Я беру банку газировки и заглатываю половину одним глотком: так мне хотя бы не надо ей отвечать.

– Давай, – говорит она, пододвигая ко мне тарелку грибов. – Ты первый.

Я смотрю на треугольные кусочки, поджаренные до идеальной золотистой корочки.

– Рай, – бормочу я. У меня текут слюни. Но я знаю, что, стоит мне попробовать, ее это только подстегнет. Я пристально смотрю на нее, пытаюсь придумать отговорку, которая

сработает в этом году. В прошлом я пресекал ее порывы со словами «Спасибо, Кенз, но мне столько всего нужно делать перед университетом». А что на этот раз? Учеба на этот раз точно не сработает.

Но сегодня уже поздно: у меня нет сил, чтобы бороться с ней. Я сдаюсь и кладу в рот жареный гриб.

– Ну как, хорошо? – задает Кензи первый вопрос в ряду многих других, ответы на которые она знает заранее. – Путь к мужскому сердцу, да? Через желудок? Многие клише ведь работают, правда?

Она сует вилку в рот и жует; уголки ее губ растягиваются в улыбку.

Ее голос облаком висит над нами. Мне не хочется обижать Кензи. Но теперь мне уже ясно – до смешного ясно! – что мое равнодушие ее не отталкивает. Может, ей просто нравится все недоступное? Или юная Мисс Компьютерный Гений видит во мне сложную задачу, которую во что бы то ни стало надо решить? Может, мое сердце для нее – это головоломное уравнение, над которым нужно просто подольше посидеть?

Все это уже действует мне на нервы. Ничуть не лучше той двенадцатилетней девчонки, с которой я познакомился на днях. Только Кензи-то уже не двенадцать. Ей уже *двадцать один*. Она учится на северо-западе страны и приезжает в Миннесоту каждое лето, чтобы поработать на курорте и пожить с семьей – так она копит деньги на учебу. Мне кажется, пора бы уже ей переболеть этим увлечением. Пора понять, что иногда парень просто не заинтересован в ней.

Проблема, однако, в том, что я знаю ее с тех пор, как ей было двенадцать. Ужасно неприятно, что я больше не могу отклонять ее ухаживания без раздражения, ведь это наверняка задевает ее чувства. Я делаю глоток колы; пузырьки царапают мне горло.

– Тут пусто, – врывается из кухни в зал голос Тодда. – А ты говорил, он будет здесь.

– Он сам так сказал. Что занесет камеру, – отвечает ему Грег.

Он включает верхнее освещение, которое до этого приглушила Кензи. Помещение заполняет резкий свет, и Кензи отстраняется от меня.

Они с потрясенным видом стоят в дверях.

– Нам уйти? – спрашивает Грег.

– Нет! – воплю я.

Кензи ссутуливается на своем стуле.

– Привет, Кензи, – с дурацкой улыбкой приветствует ее Тодд и пододвигает стул к нашему столу. Он садится так близко, что лучше бы уж сразу к ней на колени уселся. Когда мы были детьми – когда Кензи носила очки с толстыми стеклами и считалась главной зубрилой в классе на пару лет старше нас, – Тодд на нее так не реагировал. Теперь же она выглядит, как модель с конкурса красоты, и Тодд заливает слюнями футболку всякий раз, как ее видит.

Надо сказать, что футболка его и без слюней выглядит противно: на ней по меньшей мере шесть тонн рыбьей требухи. Кензи морщит нос.

– Давай, чувак, садись с нами, – говорю я Грегу и пододвигаю к столу еще один стул.

Грег плюхается рядом со мной. Его рубашка и шорты пахнут кондиционером для белья. Они с Тоддом – полные противоположности: поджарый бегун и мускулистый тяжелоатлет; чистюля и неряха; брюнет и блондин. И еще он так разбирается в человеческих эмоциях, как Тодду и не снилось.

Грег приподнимает бровь. Я уверен: он думает, что прервал нечто важное. Или он *надеется*, что прервал. *Сколько в прошлом году было девушек, с которыми он пытался меня свести?*

– Если не хочешь сегодня идти в «Заводь»... – начинает он.

– *Мы все* можем остаться, – перебивает его Тодд, улыбаясь Кензи.

– Вы двое можете идти, – предлагает она, показывая на него с Грегом.

– Нет, я пойду, – настаиваю я, не желая оставаться с ней вдвоем на весь вечер.

– Ты можешь пойти с нами, – говорит ей Тодд.

Она пристально смотрит на меня через стол. Взгляд ее мечется по моему лицу: она ждет, когда я позову ее с нами. Скажу, чтобы она тоже шла.

Грег пихает меня локтем. Он тоже думает, что я должен ее пригласить.

– Э-э-э... Отличное лето будет, а, Кензи? – тупо спрашивает Тодд.

Она достаивает его взгляда, а потом снова оборачивается ко мне.

– Да, совсем как День независимости в прошлом году, – мягко произносит она. – Помнишь? Только я, ты и пара бутылок пива... Мы сидели на пристани и слушали фейерверки в Бодетт... Было похоже, что где-то далеко идет битва. Когда ракета салюта поднялась над соснами, мы захлопали в ладоши... Помнишь?

Помню ли я. Тогда мне казалось, что в этом нет ничего такого: ну посидели вместе на праздник. Но Кензи подумала, что это такой знак, что я снова готов к отношениям. Но в одну реку дважды не войдешь. Так, как с Розы, уже не будет. Любые отношения будут в сравнении казаться пустыми, ничего не значащими... Дешевые летние романчики.

Не нужна мне эта чепуха.

Грег снова пихает меня локтем, на сей раз сильнее. Ну да, Кензи красивая. И умная. Но от ее энтузиазма у меня мурашки по коже. Когда она пытается выйти из границ простой дружбы, мне не по себе. Странно все это. *Почему она не выбрала кого-нибудь другого*, удивляюсь я. *Любой бы согласился*.

– Клинт! – Вопит Эрл, вбегая в зал. Он хватает стул и пододвигает его к нашему столу; наша компания все ширится. Тодд не упускает возможности подвинуться еще ближе к Кензи.

Не успевает Кензи возразить, как Эрл уже сжирает половину тарелки грибов. Берет мою бутылку колы и в один глоток допивает до дна. Довольно вздыхает и приглаживает седую бороду.

– Да, насчет этого твоего лагеря... – начинает он.

– Люди бы в очередь выстраивались, если бы знали про твой хоккейный опыт, – невинно замечает Кензи.

– Нет! – кричу я. – Никакого хоккея.

Грег с Тоддом одаривают меня неодобрительными взглядами, а Кензи вздрагивает и прикладывает руку к груди.

– Я просто подумала... У тебя ведь так *потрясающе* получалось, – говорит она. – И тут везде полно твоих фотографий на льду. Даже в «Заводи» на задней стене. Я бы отсканировала какую-нибудь и вставила на твои плакаты...

– Получалось, было, было бы... – огрызаюсь я. – Да всем наплевать, что я делал раньше. Я не занимаюсь командным спортом, о'кей? Вообще. Особенно хоккеем. Тебе это известно. Поверить не могу, что ты вообще об этом заговорила.

Молчание становится тягостным. Я весь киплю от гнева. У Кензи увлажняются глаза, и она немножко съеживается. Эрл же прокашливается и кладет руку мне на плечо, улыбаясь так, словно не заметил моего припадка.

– Эх, не видать мне бесплатного ужина, – говорит он. Я собираюсь спросить, что он имеет в виду, но Эрл уже принимается объяснять: – Сегодня один мужик позвонил подтвердить бронь на отдых с семьей. Его ребенок в следующем году идет в колледж, и они с женой решили сделать такой вот подарок в виде каникул. Так вот, мужик начал расхваливать свое чадо, спрашивал, чем можно заняться на курорте. И я подумал: а что, кандидатура подходящая. Правда, ты не сможешь так усердно пинать своего клиента, как хотел бы с этим твоим тренингом... Но заплатят тебе хорошо, ну и...

– Что-то я ничего не понимаю, – говорю я.

– Особый случай, – поясняет Эрл. – Она раньше играла в баскетбол и повредила бедро. Упустила шанс на спортивную стипендию и большую карьеру, все такое. Теперь поправилась, и вот когда ее папаша стал расспрашивать насчет местных развлечений, мол, как можно вернуть ее на прежнюю стезю, я сообщил ему про твой лагерь. Но он сказал, что заинтересован только в частных занятиях.

– Она? – переспрашивает Кензи. – Этот баскетболист – девушка, так, что ли?

Эрл кивает и пожимает плечами:

– Видимо, обожглась на молоке, дует на воду. Ее отец всерьез переживает, что она утратила уверенность в себе. Ну, что скажешь? Они приезжают завтра.

– Слушай, Эрл, – вздыхаю я. – Умеешь ты предупреждать заранее.

Глупо злиться на Эрла. Я же сам его просил. Но я думал, он будет приводить ко мне расплывшихся курортников. Бывшая спортсменка – совсем другое дело. Как удар под дых. Ох, подумать только, заниматься с баскетболисткой...

– Я весь день тебя искал, – оправдывается Эрл. – Сам только сегодня узнал. И подумал...

– Ты уже сказал, что я согласен? – Мой вопрос звучит как обвинение. Будто Эрл все это подстроил, подвел меня под монастырь. И мне уже почему-то начинает казаться, что все так и было.

– Да не щемь ты ему яйца, Клинт, – говорит Кензи, и меня передергивает. Обычно она так грубо не выражается. Однако Тодду это, похоже, нравится: он слегка ей кивает.

– Может, эта баскетболистка заставит тебя хоть немного развеселиться.

– А я и так веселюсь, – оправдываюсь я. – Еще как.

– Ага, ага, – бормочет Кензи, складывая руки на груди. Я чувствую на себе пристальный взгляд Грега. Словно мои дальнейшие слова что-то решат. Да и с чего вообще он теперь анализирует каждый мой чих? Я пожимаю плечами, словно это все ерунда.

– Фигня вопрос, – говорю я. – Восстановить спортсменку после травмы.

– М-да уж. – Кензи кидает на меня злобный взгляд. – Мы все знаем, как легко вернуть в игру вышедшего из строя спортсмена.

И так я понимаю, что мне пора уходить.

Челси Технический фол

Брэндон – наш финиширующий спортсмен. Последний бегун, который умеет припустить, как никто другой. Вслух мы этого не обсуждали, но спланировали поездку так, чтобы Брэндон вел машину последним.

Это было изматывающее путешествие. Целый день на шоссе, которое петляет через три штата... тут и самый просторный минивэн покажется карцером. Мы знаем, что Брэндон тоже сыт по горло. Мы так и думали. Он понукает наш «Форд-Эксплорер», практически поднимая его на задние колеса, и сворачивает с федерального шоссе. Машина подпрыгивет на щебенке, как резиновый мяч.

– Брэндон! – одергивает его мама с заднего сиденья, хватаясь за подголовник кресла.

– Все под контролем, мам, – стонет Брэндон.

– Ты пропустишь поворот на курорт, – предупреждает она.

Однако Брэндон уже тянется к радиоприемнику и увеличивает громкость. Музыка обостряет его чувства, позволяет ему сфокусироваться и забыть обо всем, кроме дороги, которую облизывает свет фар. Он подгоняет машину двигаться еще быстрее.

Я через плечо вижу, как папа смотрит в оконное стекло; лицо его совершенно спокойно. Он доверяет Брэндону. Доверяет безоговорочно. Однако у мамы вид такой, словно она готова перелезть на переднее сиденье и схватиться за ручник. Я отворачиваюсь от заднего сиденья и, взглянув в лобовое стекло, в панике взмахиваю руками; ногти впиваются в приборную доску, словно колышки палатки в землю.

– Брэнд? Дерево!

Брэндон резко поворачивает руль, и наши вещи скользят по багажнику. С глухим стуком рушится гора спортивных сумок. Брэндон нажимает на кнопку громкости.

– Что это было? – спрашивает он с внезапным волнением в голосе. – С «Анни» же все в порядке?

– «Анни»? – переспрашиваю я. – Она что, едет с нами? *Анни*. Это имя Брэндон со стоном повторял весь месяц, свернувшись комочком на кровати. «Анни», в тоске бормотал он часами, развалившись в пижаме на диване. «Анни», писал он в блокноте, сидя за кухонным столом, – и это вместо того, чтобы делать уроки. «Анни». Будто это была девушка, которая бросила его, а не бас-гитара фирмы «Фендер». У нее сломалась кобылка, и ее отвезли в ремонт. Ааааа-нннн-ииии, ныл он, невзирая на то, что ее пообещали вернуть через два дня, не больше.

– А что ты собираешься делать с бас-гитарой, которую не сможешь подключить к сети? – спрашиваю я.

– «Маршалла» я тоже везу, – отвечает он.

– «Маршалла»?! – повторяю я. – Этот фигов усилитель, который весит больше, чем все гантели в спортзале?

– А что? – хмурится Брэндон. Лунный свет сияет на его брекетах.

– А то, что ты не можешь потерпеть три недели и не разрушать наши барабанные перепонки?

– Ох, Челс, да не докапывайся ты до него, – говорит мама, поворачиваясь всем своим крошечным жилистым тельцем и осматривая рухнувшие груды багажа. – А то мне теперь самой неловко за кухонные причиндалы.

– Ты... Ты везешь с собой комбайн? И формочки для кексов? – спрашиваю я.

– Ну, надо же поработать над рецептами, – жизнерадостно отвечает она. – Если забросить их на время, то я точно опоздаю с книгой.

– Да, книга, – бормочу я. Ежегодная коллекция рецептов «Белого сахара». Простая скрепленная спиралью книжечка с новыми идеями для праздничной выпечки от мамы. Мы печатаем такие каждую осень и складываем стопкой у кассы под Хэллоуин. Обычно все экземпляры расходятся уже к Дню благодарения.

– А в чем тогда вообще смысл ехать в отпуск? – злюсь я. – Могли бы и дома своими делами заниматься.

– Ну-ну, – говорит мама. Голос ее звучит приглушенно: она погружается в багажник и, лихорадочно и неловко размахивая руками, расстегивает сумки: проверяет содержимое. Она мечется по машине, точно колибри, случайно залетевшая в гараж.

Только случайно тут оказалась не она, а я. Я даже завидую Царапке, который остался дома с нашей соседкой миссис Уильямс. Теперь она балует его тунцом, и он сладко посапывает в тепле у нее на коленях.

Да уж, вот тебе и подарок на выпускной. Сиди и смотри, как все занимаются любимыми делами. Так себе радость, если кому интересно мое мнение. Мне надо на кого-то наорать (хотя бы по эсэмэс), и я достаю из шорт телефон. Однако сеть тут не ловит, и так продолжается целый час. (Ненавижу свой примитивный мобильный, но не в моем положении жаловаться, что мама не захотела потратить на новый кучу денег. Если посчитать, какой суммы я лишила семью в этом году, то я должна радоваться, что меня не оставили с сигнальным костром в качестве средства связи.) Я провожу пальцем по бесполезным кнопкам и внезапно понимаю: в этом отпуске у меня не будет даже Гейба. Мне хочется вцепиться себе в волосы.

– Почти приехали, – говорит мама, откидываясь наконец обратно в кресле. – Ну и поездочка...

– До сих пор не пойму, почему нельзя было добраться по морю, – говорит Брэндон, глядя в зеркало заднего вида.

– Нам еще за колледж платить, – ворчит папа. – И за врачей.

Я чувствую, как внутри у меня все сжимается.

Наконец наш «форд» подъезжает на парковку, разбрызгивая вокруг себя белый гравий. Брэндон давит на тормоз, и мы резко останавливаемся прямо перед главным зданием. Невысокого размера вывеска: зеленая рыба с открытым ртом в центре, а под ней – надпись, возглашающая, что мы официально прибыли на рыболовный курорт «Озеро в лесу». Брэндон ставит коробку передач в нейтральное положение и выдергивает ключи из зажигания. Наконец-то больше не слышно этих ужасных «Iron Man».

– Думаю, с такой помпой тут еще никто не появлялся, – бормочу я.

Брэндон выпрыгивает из водительского кресла и бежит к багажнику: проверить свою бас-гитару.

– Брэндон, приятель, нам еще пригодится эта машина, когда мы вернемся, – мягко говорит папа. – Мы в ней развозим товары из кондитерской, помнишь?

Устав от дороги и от переживаний за «Анни», Брэндон не способен адекватно воспринимать критику. Он тут же орет:

– Вы вообще хотели добраться сюда до ночи, а?

Мама поддакивает ему со своим вечным «Мы просто устали и проголодались».

Я толкаю дверь и выхожу наружу. Логотип «Белый сахар» сияет в лунном свете жирными белыми буквами; я закрываю дверь, и он скрывается в ночной тьме.

А я просто стою, впитывая в себя все это: густо-синее полночное небо, остроконечные черные силуэты сосен, белый круг луны. Чем дольше я смотрю, тем больше деревья похожи

на черное кружево, а луна – на опаловый кулон. Когда дует ветерок, кружево колыхнется, словно небесная дама танцует под едва слышные йодли гагар.

А где-то там, еще дальше, по ту сторону тьмы, плещутся волны. Прибоя тут быть не может... наверное, течение набегаёт на камни? Тшшшш, убаюкивает нас этот стремительный пульс. *Тишшшшшш...*

Я закрываю глаза и слушаю. Я больше не думаю о песочных часах, в которые превратился баскетбол; о пирамиде песка, растущей на дне. Впервые за много месяцев в моей голове совершенно пусто. Я чувствую себя... спокойной. Надо же.

– Челс! – вопит Брэндон. – Пошли, пока ты корни тут не пустила.

Они с мамой стоят у входа и смотрят на меня. Я переступаю через порог, и тут мой телефон подает сигнал. Я вздрагиваю и запускаю руку в карман; экран освещает ночную тьму бледно-зеленым, как незрелый помидор, сиянием.

Эсэмэска от Гейба: *уже скучаю.*

Мои внутренности превращаются в текучую карамель. *Безумно скучаю*, тут же отвечаю я ему. А вдруг стоит мне сделать шаг, и телефон перестанет ловить?

Не успеваю я отправить эсэмэску, как Гейб уже пишет дальше: *23 дня до карлайла*. Мне становится чуточку страшно. Как в школе, когда мне впервые пришлось выступить с речью.

Это нормально, пытаюсь я сказать себе. *Все девушки переживают перед потерей девственности.*

«Хватит все драматизировать, Кейс», – ругаюсь я про себя.

Я захожу внутрь и вижу на стене таксофон. *Хотя бы одна прочная нить, связывающая меня с цивилизацией*, думаю я про себя и иду дальше вглубь. Мама, папа и Брэндон окружили стойку регистрации.

Выходит мужчина, который явно хочет произвести впечатление завязанного походника: жилет цвета хаки, шляпа, обвешанная блеснами.

– А вот и Эрл, владелец рыболовного курорта «Озеро в лесу». Добро пожаловать!

Папа пожимает ему руку, представляясь: «Кейс».

Глаза Эрла загораются:

– Кейс! – повторяет он. – *Челси Кейс.*

У меня кружится голова. Голос тщеславия шепчет мне, а вдруг Эрл в курсе моего баскетбольного прошлого. Вдруг слава обо мне разнеслась даже сюда? *Возможно*, думаю я даже, *возможно, он помнит USA WEEKEND.*

– Тебе повезло. Клинт еще здесь, – провозглашает Эрл, выбегая из-за стойки в тускло освещенный обеденный зал, уставленный пасторальной мебелью из гнутой древесины.

Клинт? Я шурюсь на свет свечей. Дело, значит, не в баскетболе. Мое великое прошлое не удостоивается упоминания даже в примечаниях. Реальность так жестока.

– А вот и он, – говорит Эрл.

Вот этот, которого он волочит в лобби? Боже правый.

Ладно, дело вот в чем. Я не из тех девушек, которые зачитываются любовными романами. Я не люблю хихикать. И флиртовать не люблю. Я не исписывала тетради именами мальчиков – даже Гейба. Я не накручиваю локоны на пальчик, не хлопаю ресницами. Да, Гейб умеет превратить мои внутренности в расплавленную карамель, но даже у него это стало получаться не сразу. В общем, я не из таких девушек, у которых хоть раз в жизни что-то там затрепетало от вида мужчины.

Но *этом!* Волосы черные и блестящие, как вороново крыло. Обцелованная солнцем кожа. Тело – воплощенная сила. Широкая грудь, изгибы бицепсов под короткими рукавами футболки, узкие бедра... Он улыбается мне, и я отшатываюсь. Не от него; от того, как мое тело реагирует на него.

Что с тобой не так, спрашиваю я себя и тут же начинаю придумывать оправдания: Все на свете обращают внимание на противоположный пол, даже если у них уже есть пара. Такова человеческая природа.

У меня подводит живот, когда я замечая вышитый логотип «Озеро в лесу», вышитый над карманом его футболки. Но я успокаиваю себя: наверняка просто помогает таскать чемоданы. Потом наши пути разойдутся, и мы больше не увидимся. И слава Богу.

– Рад знакомству, Челси.

Голос у него восхитительно низкий и густой, как начинка шоколадных трюфелей. Он улыбается мне, словно... словно это только начало знакомства. Будто только что дали сигнал и впереди все четыре четверти игры.

– Клинт поработает с тобой в эти каникулы, – говорит папа.

– Что ты имеешь в виду под «поработает»?

– Он проводит тренировки здесь на курорте. Я вчера договорился насчет тебя. Будешь заниматься индивидуально.

Я чувствую, как под моей грудной клеткой разливается что-то теплое. Как только я начинаю подозревать, что это надежда – на то, что папа задумался о том, чего я хочу; приготовил мне приятный сюрприз, как бывало раньше, когда мы дружили... еще до травмы... – он говорит: *Мы кучу денег угрохали на этот подарок. Не хотелось, чтобы ты провела все каникулы, сидя на крыльце коттеджа.*

Будто обычно я только и делаю, что упускаю возможности. Будто мне постоянно везет, и я недостаточно внимательна, недостаточно аккуратна, чтобы защитить то хорошее, что попадает мне в руки. Разве я хоть раз упустила пас в игре? Тепло надежды разгорается в огонь ярости.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.